

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Цари биржи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Цари биржи / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 429 с.

ISBN 978-5-519-98994-7

ISBN 978-5-519-98994-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

пастушками Ватто они не имѣютъ. Другой рецензентъ, точно онъ только что пріѣхалъ изъ миеологической Аркадіи и даже не успѣлъ еще переодѣться, — собо-лѣзнуетъ, что я выхватилъ изъ этого міра исключи-тельно людей, живущихъ ради Мамона и не признаю-щихъ свѣтлыхъ и поэтическихъ идеаловъ. Это не угодно ли отыскать любителей поэтического идеализма на биржѣ и Шиллеровъ среди акціонерной вакханаліи? Трудновато! Признаюсь, что до меня касается, то Сумеоновъ Столпниковъ въ банкирскихъ конторахъ я не видывалъ. Тѣмъ не менѣе я горячо протестую противу обвиненія въ томъ, что никакой иной краски, кромѣ тупи, я въ этомъ случаѣ не признаю. Въ глу-бинѣ души и у моихъ оригиналовъ есть искреннія чувства, теплится огонекъ; дайте ему разгорѣться — пожалуй онъ вспыхнетъ и пожаромъ, да только разду-вать его на биржѣ некому. Идеализировать Россій-скаго «Домби» — значило бы отступать отъ правды, да и Диккенсовскій сталъ таковымъ только послѣ цѣлаго ряда обрушившихся на него несчастій и злоключе-ній. Если типы Каинова племени дурны, то не зер-кало виновато, это только «съ подлиннымъ вѣрно» и ничего болѣе. Я не дерзаю сравнивать своихъ сла-быхъ силъ съ творчествомъ М. Е. Салтыкова. Но представьте себѣ, что бы это вышло, если бы своего Головлева онъ изобразилъ пишущимъ мадригалы и проливающимъ слезы надъ Карамзинскою «Бѣдною Лизой»? Живопись такого рода отжила свое время, — и слава Богу. Нѣкто замѣтилъ, что, по моему, теперь всѣ поголовно Каины. Ложь! Ничего подобнаго я не сказалъ и сказать не могъ. Есть доблестные люди,

великія добродѣтели. Есть бойцы за правду, есть мученики и страстотерпцы любви, но ихъ нечего искать въ томъ мірѣ, которымъ я занялся въ моемъ романѣ. Говорятъ, что женскіе типы, нарисованные мною, безнравственны. Что же дѣлать, если тамъ другихъ нѣтъ. Прикажете выдумать? Отъ человѣка, выросшаго въ конюшнѣ и никогда изъ нея не выходившаго, никто не станетъ требовать, чтобы онъ пахнулъ розами. Есть святыя дѣвушки и великія труженицы, и не на одной страницѣ моихъ произведеній я пытался своей слабой рукой начертать ихъ свѣтлые облики, но искать ихъ въ Каиновомъ племени—никому не придетъ въ голову. Жемчужныя зерна въ навозѣ попадаютъ только въ басняхъ. Если случайно и появится свѣтлая и хорошая натура въ этомъ мірѣ, то она не долго останется тамъ: уйдетъ прочь—и такимъ именно эмигрировавшимъ въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви посвященъ будетъ мой слѣдующій романъ: «Племя Авеля».

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
11	6 сверху	съ дѣтства	изъ дѣтства
12	7 „	побить	побитый
14	10 „	на колѣняхъ	, стоя на колѣняхъ
38	6 снизу	добрымъ	дробнымъ
48	10 сверху	порою скалахъ	скалахъ порою.
✓ 49	11 снизу	у нея	у него
82	9 „	и дальныхъ	идеальныхъ
110	13 „	нарывали	парывали
121	15 „	подъ	надъ
131	13 „	уканавшихъ	усыпавшихъ
140	5 „	страшно	странно
—	4 „	а даромъ нельзя?	А даромъ нельзя!
240	1 „	судьбы	свадьбы
249	13 „	Тогда	Точно
368	11 сверху	Soyez bienvenue!	Soyez la bienvenue!
435	13 „	пришедшій	принятый
✓ 448	1 снизу	она	если.

I.

Золотая красавица.

— Еще поленту.... двѣ.... три.... заказывалъ на па-
лубѣ парохода „Фениче“ маленькій, необыкновенно бод-
рый старичокъ, выбритый и чистенькій, съ красною лен-
точкой въ петличкѣ чернаго сюртука, плотно обтяги-
вавшего его, несмотря на то, что солнце сегодня пекло,
обливая своими горячими лучами и черномазаго лакея,
и двухъ прехорошенькихъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ за
однимъ столикомъ съ нашимъ путешественникомъ.— „А
вамъ, Татьяна Борисовна?“ обернулся онъ къ полной
дамѣ, еще хорошо сохранившейся, не смотря на свои
сорокъ лѣтъ.

— Я не могу... Мнѣ жарко! — Съ ея покраснѣвшаго
отъ зноя лица, при каждомъ движеніи, осыпалась пудра.
Еще красивые черные глаза смотрѣли устало. Завитые
съ утра волосы давно уже распрямились и прилипли
ко лбу.

— Еще бы вы, тетя, въ бархатъ вырядились! за-
смѣялась одна изъ дѣвушекъ. Она была замѣчательно
хороша собою. Даже ожидавшій приказаній лакей загля-

дѣлся на ея чудную головку, словно сгибавшуюся подъ тяжестью золотыхъ волосъ. Большіе темно-синіе глаза подъ темными бровями горѣли веселостью, молодостью, счастьемъ; тонкія ноздри раздувались, какъ будто ей было мало воздуха, какъ будто грудь не могла надыхаться на просторѣ этого чуднаго озера. — А по моему, — продолжала она, — церемониться нечего. Тутъ не дома, значить корсеты долой. Вотъ какъ я...

— Ужъ не въ капотѣ ли еще выйти?

— Хотя бы и въ капотѣ. Мы, тетя, все равно, что на необитаемомъ островѣ...

— А люди кругомъ?

— Кто же изъ нихъ понимаетъ по-русски? Теперь можно во всю!

— Надя! остановилъ ее отецъ.

— Ну, папа, молчи!... Ты тоже хорошъ. Точно въ свою контору собрался. Сюртукъ на всѣ пуговицы... Эта противная ленточка; лучше бы розу въ петличку... Та, по крайней мѣрѣ, хорошо пахнетъ... Вотъ посмотри: около насъ — итальянцы... Видишь, какъ они?

За столикомъ рядомъ сидѣло двое туристовъ. Одинъ изъ нихъ, съ горячими карими глазами и изъ синя-черною гривою волнистыхъ волосъ на головѣ, невольно обращалъ на себя общее вниманіе. На немъ была соломенная шляпа, поля которой, загнутыя спереди вверхъ, будто нарочно открывали это гордое лицо съ маленькими завивавшимися отъ природы усами и Ванъ-Диковскою бородкой. Рядомъ съ нимъ — сильно-таки пожившій господинъ, съ гусиными лапками у глазъ, съ сѣдиною, пробивавшеюся на вискахъ, тщательно одѣтый въ пеструю матерію. На обоихъ не было жилетовъ; ихъ, по

мѣстному обычаю, замѣняли ярко красныя купальныя фуфайки. За то въ петличкахъ красовались маленькіе букеты цвѣтовъ.

— И какіе они молодцы оба! словно про себя замѣтила Татьяна Борисовна, кидая на нихъ пристальныя взгляды съ тѣмъ особеннымъ ласковымъ выраженіемъ, которое свойственно дамамъ, въ свое время хорошо-таки пожившимъ и понимающимъ толкъ.

— Смотрите! А если они понимаютъ? замѣтилъ старикъ.

— Эти-то понимаютъ! сорвалась Надя. — Развѣ ты не видишь, типъ какой? У насъ, на сѣверѣ, такихъ нѣтъ.

Кельнеръ бѣгомъ черезъ всю палубу разлетѣлся къ столу, за которымъ сидѣли русскіе, и бросилъ на скатерть двѣ тарелки съ полентой. Пронизанные вилками воробы, какъ символъ страждущей невинности, лежали лапками кверху, свидѣтельствуя предъ небесами о кроважидности человѣческаго рода.

— А еще порція?

— Я попрошу синьора или синьоръ вынуть одну изъ вилокъ... У насъ не хватило ихъ для „ucelletti“ (птичекъ).

— Только-то! засмѣялась Надя. — Вотъ возьмите! И она быстро выхватила изъ своихъ волосъ длинную серебряную шпильку. Громадныя, густыя косы, какъ двѣ золотыхъ змѣи, глухо шурша, упали за спинку стула, оттянувъ назадъ эту, горѣвшую румянцемъ, молодую голову.

— Послушайте, Надя... можно ли? Вотъ ужъ именно ни стыда, ни совѣсти!.. пришла въ ужасъ Татьяна Борисовна.

— У меня, тетя, вѣдь свои, съ едва-едва замѣтной ироніей оправдывалась Надя, принимая смиренный видъ.

Татьяна Борисовна разомъ смолкла, недовольно поправляя свой шиньонъ.

— Что же вы? обернулся къ кельнеру старикъ.

Тотъ стоялъ совсѣмъ оцѣпенѣлый. Косы Нади видимо озадачили его.

— *Madonna Santissima!* Какая красавица! едва-едва проговорилъ онъ.—*Santa-Maria-Misericordia!* спаси меня и всякаго вѣрующаго христіанина отъ такихъ глазъ!

Сидѣвшіе за столомъ невольно расхохотались. Не обращая на это вниманія, кельнеръ взялъ шпильку и медленно отправился на кухню.

— Ну, можно ли такъ шалить, Надя? вмѣшалась молчавшая до сихъ поръ ея подруга. Это была совсѣмъ другого поля ягода. Она сидѣла выпрямившись, сложивъ руки на колѣняхъ, и вообще всею своею фігурой изображала самое безпощадное приличіе.

— Да! Вотъ бы ты съ Ксеніи брала примѣръ! одобрялъ ее старикъ.

— Что мнѣ съ нее примѣръ брать? Она, вѣдь, себя въ Индію готовитьъ.

— Куда, зачѣмъ?

— Въ индѣйскіе боги... Сядетъ на подушку, сложить ручки, да тысячу лѣтъ такъ и просидитъ, а передъ нею брамины будутъ жечь разные ароматы, баядерки танцовать... Бѣлые слоны....

— Ну, довольно, расхохоталась Ксенія, прерывая ее.

— Почему тебѣ бѣлые слоны не нравятся, Ксенія Истукановна?... Эге... вижу, куда ты смотришь.

— Никуда не смотрю! вспыхнула та.

— И на этого итальянца сосѣда не смотришь, нѣтъ? Вотъ и попалась! Да, вѣдь, и правда, можно засмотрѣться. Папа, поди познакомься съ нимъ!...

— Что ты, съ ума сошла?

— Голубчикъ, папочка, познакомься съ этимъ... ну, пожалуйста... я хочу... а то я сама познакомлюсь.

Двое путешественниковъ рядомъ обмѣнялись взглядами. И они сообразили, что дѣло идетъ о нихъ.

— Съ тобой влетишь! недовольно отвернулся старикъ. — Богъ знаетъ, чему васъ въ этихъ заграничныхъ пансіонахъ учать!

— Закону Божію, математикѣ, исторіи, географіи, словесности...

— Довольно, довольно!..

— Рисованію, танцамъ, рукодѣлію, музыкѣ, сыпала та, точно бисеръ, мѣняясь улыбками съ Ксеніей. — Что же, тебѣ мало этого? Ну, зоологіи, ботаникѣ, французскому, нѣмецкому...

Отецъ заткнулъ уши. Надя успокоилась.

— Хоть бы вы, Татьяна Борисовна, прибрали ее къ рукамъ. Ни на что не похоже. Четыре мѣсяца, какъ вскочила изъ клѣтки и — не угодно ли? Бѣсенокъ...

— А вотъ я за бѣсенка...

— Ну?

— Возьму да раздѣлю тебя... Сейчасъ, при всѣхъ... И Надя вскочила.

— Сумасшедшая, совсѣмъ сумасшедшая, — сердился, и улыбался отецъ. — Вонъ влюбленный лакей твою поленту несетъ.

— Точно волхвъ съ дарами!

Тотъ дѣйствительно подвигался впередъ медленно, не

отводя глазъ отъ Нади. На свое несчастье, онъ не замѣтилъ каната, лежавшаго на палубѣ, споткнулся объ него и разомъ легъ на земь къ ногамъ дѣвушки. Тарелка съ полентой и серебряная шпилька съ пронзенными воробьями полетѣли за бортъ. Кругомъ слышался неудержимый хохотъ. Освирѣпѣвшій итальянецъ вскочилъ, бросился къ борту, невѣдомо къ кому адресовалъ добрую дюжину ругательствъ, проклялъ при этомъ случаѣ всѣхъ святыхъ и, кстати, словно мимоходомъ, за дѣлъ чорта, ткнулъ каблукомъ канатъ и, не зная на кого ему обрушиться, стремглавъ спустился въ кухню, откуда сейчасъ же слышался его негодующій голосъ. Ему отвѣтили тамъ еще болѣе звучною бранью; до путешественниковъ донесся шумъ бравурнаго дуэта и, минутою спустя, лакей выскочилъ вверхъ весь красный, поправляя прическу и баки и посылая какого-то Антоніо прямо въ лапы къ самому Вельзевулу.

— За это и останешься безъ поленты! укоризненно замѣтилъ старикъ.

— Во-первыхъ, за что за „это“?.. а, во-вторыхъ, я хочу вовсе не поленты...

— А чего же?

— Замужъ!..

— Что такое? привсталъ, точно не вѣря самому себѣ, отецъ.

— Въмѣсто поленты, замужъ хочу: вотъ за этого самаго итальянца. Палаша, голубчикъ, посватай меня!

— Не обращайтесь на нее вниманія, Андрей Фёдоровичъ! величественно отвернулась Татьяна Борисовна.

— А тетю выдай за его товарища. Онъ тоже еще красивый!.. Ему не больше сорока пяти...